

Цзи Байбай был немного озадачен и спросил Туаньцзы: Туаньцзы, что значит отдать себя в знак благодарности?

Туаньцзы призадумался: Ну, это когда тебя кто-то спас, и ты, чтобы отплатить спасителю, совершаешь какой-то поступок. Это как если бы Байбай отдал Мо Цину свою самую драгоценную сушеную рыбку. Отдать себя — это примерно то же самое.

Цзи Байбай кивнул. Вот оно что! Значит, он тоже должен отдать себя Мо Цину. Ведь именно Мо Цин спас его первым. Он принял решение: сегодня вечером обязательно скажет об этом Учителю. В конце концов, подарить ему одну сушеную рыбку — это вполне посильная жертва.

Затем они продолжили наблюдать за перепалкой. Дачжуан, казалось, немного смущался, но его настрой стал еще более решительным. Он обратился к так называемому племяннику городского главы: Если такая нежная девушка попадет в руки к такому отбросу, как ты, страшно представить, что с ней будет. Я забираю её, а если не согласен — сразимся!

Мужчина вытаращил глаза и в ярости приказал стражникам: Чего стоите?! А ну, вышвырните этого мерзавца, который посмел зариться на мою жену, за пределы города! И лучше переломайте ему обе ноги, чтобы я хоть немного успокоился!

Цзи Байбай нахмурился. Кошачья интуиция подсказывала ему, что этот племянник городского главы совсем нехорош. От него исходил густой запах крови и еще какой-то мерзкий аромат, который был ему крайне неприятен. Цзи Байбай выпустил кончиками пальцев нить духовной энергии и направил её в сторону Дачжуана. Тот внезапно почувствовал необычайную легкость и прилив сил. Он схватил стражников, по одному в каждую руку, и швырнул их прямо к ногам мужчины. Племянник городского главы в гневе затопал ногами, выкрикивая проклятия в адрес никчемных стражников, а затем, пытаясь к выходу, бросился наутек, не забыв напоследок выкрикнуть угрозу. Цзи Байбай тихонько хихикнул, походя на кота, укравшего сливки.

Мо Цин согнул палец и несильно, но ощутимо шелкнул Цзи Байбая по макушке. Тот от неожиданности пискнул мяу и обиженно уставился на него.

— Любишь пошалить, заслужил наказание.

Цзи Байбай надул губы: Мне не нравится тот человек, от него плохо пахнет. Кстати, Учитель, я тоже хочу отдать себя тебе в знак благодарности! Ты спас меня, поэтому я отдам себя! Хотя ему всё еще было немного жаль расставаться с сушеной рыбкой, но если речь шла об Учителе, то это было допустимо.

Мо Цин замер, сжал кулаки, и его тяжелый взгляд сфокусировался на Цзи Байбае: Ты понимаешь, что говоришь?

Цзи Байбай склонил голову набок. Он не понимал, в чем дело — неужели Учителю не нравится сушеная рыбка?

Мо Цин, в чьей душе поднялся шум и смятение, раздраженно взмахнул рукавом: Запомни свои слова. Даю тебе время на совершенствование.

Цзи Байбай просиял. Ну вот, а говорил что-то невнятное, Учителю ведь это очень нравится! Никто на свете не может устоять перед сушеной рыбкой!

Мо Цин вздохнул. Он и сам не понимал своих чувств к Цзи Байбаю. Раньше он всегда считал его лишь ленивым домашним зверьком, который постоянно крутится рядом. Но чем больше он наблюдал за этим питомцем, тем сильнее тот занимал его мысли. Зверек нужен был лишь для утешения души, и, возможно, именно из-за недавнего беспокойства он стал уделять ему так много внимания.

— Возвращайся. Достопочтенный принес рыбу в кисло-сладком соусе, поешь и приступай к тренировкам.

Глаза Цзи Байбая загорелись. Он поспешно вбежал в комнату, подцепил палочкой кусочек рыбы и отправил в рот, довольно прищурившись. Затем он извлек из сознания заготовленный образец сушеной рыбки. Он был очень заботливым и знал, что Мо Цин пожалеет есть такую ценность, поэтому сделал ему сувенир для любования.

— На, Учитель, береги её. Это сувенир из сушеной рыбки, очень красиво, правда? — с набитой щекой пробормотал Цзи Байбай.

Мо Цин принял подарок и сел в стороне, закрыв глаза для медитации. Цзи Байбай украдкой взглянул на него. Мо Цин был невероятно красив: черные, как смоль, длинные волосы водопадом ниспадали на пояс, густые брови, подобные мечам, косо уходили к вискам, а под закрытыми веками фениксовых глаз скрывался привычный холодный взгляд. Высокий прямой нос, тонкие губы — черты его лица были безупречны.

Цзи Байбай, который всегда любил созерцать прекрасное, на мгновение засмотрелся. Опомнившись, он встретился с глазами Мо Цина, в которых читалась легкая улыбка. Лицо Цзи Байбая мгновенно вспыхнуло, он поспешно опустил голову и принялся за еду.

Этот маленький эпизод ни на что не повлиял, пока они не оказались на кровати, уставившись друг на друга. Цзи Байбай указал вглубь постели: Мне здесь спать?

Мо Цин ответил с невозмутимым видом: Или ты предпочитаешь лечь на пол?

Цзи Байбай чувствовал себя крайне неловко. Хотя родители тоже были к нему привязаны, с тех пор как он вырос, он ни с кем не делил постель. С некоторой долей сопротивления он медленно лег на кровать. Мо Цин усмехнулся и тоже прилег, махнув рукой, отчего комната погрузилась во тьму.

Чувства Цзи Байбая обострились. Он слышал дыхание Мо Цина, которое нежно касалось его уха, и это мешало ему уснуть. Вскоре он услышал и учатившееся сердцебиение — тук-тук-тук. Неизвестно, чье оно было, возможно, обоих.

Длинная ночь, освещенная лунным светом, отступила лишь с приходом рассвета.

<http://bllate.org/book/22198/2313861>